

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ

В современном мире общение на английском языке получает все большее распространение, и, соответственно, степень актуальности разговорного английского возрастает с каждым днем. В парадигматическом ряду разговорный стиль занимает определенное место наряду с художественно-беллетристическим стилем, научным стилем и др.

Как известно, В.В. Виноградов, выделяя такие важнейшие общественные функции языка, как общение, сообщение и воздействие, разграничивает следующие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия). Эти стили соотносительны. Они отчасти противопоставлены, но в значительно большей степени сопоставлены. Иногда они находятся в глубоком взаимодействии и даже в смешении. Разные и притом очень далекие несоотносительные стили могут найти применение в одной и той же сфере общественной деятельности.

Говоря о разговорном стиле, следует подчеркнуть, что термин «Разговорная Речь» не следует отождествлять с более широким понятием «Устной Речи». Последнее предполагает любую разновидность естественной устной формы языкового общения. Таким образом, устная речь - это любой акт говорения, противопологаемый общению с помощью письма. Разговорная же речь, как функционально-стилевая сфера литературного языка, обеспечивает одну из важнейших общественных функций языка - функцию общения, обслуживая сферу непосредственного неофициального общения носителей литературного языка.

В отличие от устной речи, РР может быть определена как функциональная (т.е. специфическая, ограниченная по своим целям, по сфере применения) речевая разновидность. РР — это

особый речевой стиль: пользование устной речью в условиях бытового общения.

Распространенным средством стилистического разнообразия литературного языка и в особенности разговорного языка является просторечие. Просторечные элементы составляют неотъемлемую часть разговорной речи и в самом широком диапазоне используются в нем в зависимости от коммуникативных потребностей и намерений, ситуации, возрастных особенностей участников коммуникативного акта.

Просторечие как феномен языка довольно давно привлекло внимание исследователей. Его исследованию посвящены многие работы таких ученых, как Ф.П. Филин, В.А. Хомяков, Ю.А. Бельчиков, В.Д. Девкин, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Р. Белл, Г.Л. Менкен и др. Еще в 1928г. Б.А. Ларин призывал лингвистов изучать язык города для более полного исторического и стилистического объяснения литературного языка. (Б.А. Ларин 1928:62).

Просторечие представляет собой массовое явление, оно обслуживает «культуру промежуточную», которую обычно называют «культурой для народа», или «третьей культурой» (Н. И. Толстой 1995:16). Эта «срединная», «третья» культура не имеет устоявшейся дефиниции: «городская», «массовая», «популярная», «низкая», хотя каждое из этих определений справедливо и каждое открывает одну из многочисленных сторон «третьей» культуры. Определение «городская» указывает на сферу ее существования и отчасти на происхождение. «Массовая» подчеркивает ее количественное преобладание над элитарной. «Популярная» означает известную доступность и широкую распространенность. «Низкая» выражает позицию этой культуры на шкале оценок относительно «высокой» элитарной культуры. (В.В. Химик 2000:10)

Фактически в наше время просторечие — это тот лексико-грамматический «запасник», из которого в литературную речь поступают языковые средства, формирующие речь обиходно-разговорную.

В современном просторечии выделяются два временных пласта — пласт старых, традиционных средств, отчетливо обнару-

живающих свое диалектное происхождение, и пласт сравнительно новых средств, пришедших в просторечие преимущественно из социальных жаргонов.

Носителями "старого" просторечия являются люди пожилого возраста, имеющие низкий образовательный и культурный уровень; среди носителей "нового" просторечия преобладают представители среднего и молодого поколений, также не имеющие достаточного образования и характеризующиеся относительно низким культурным уровнем, либо использующие определенные слова и обороты речи (иногда образованные искусственно) для обособления от остальной части общества, и/или выражения своего мироощущения и вкусов.

Особое место занимает литературное просторечие, определяемое как лексико-стилистическая категория, которая выделяется из общей массы просторечия, образуя единую стилистическую группу слов, особых по своим экспрессивно-стилистическим признакам (сниженность, резкость, фамильярность и т.п.). Эта обширная группа слов, принятых в литературном языке, образуется преимущественно из лексических единиц различных областных говоров, социальных диалектов, из городского просторечия.

Следует отметить, что понятие "просторечие" характеризуется неопределенностью, размытостью границ. Это проистекает из того, что, несмотря на давнее существование этого слова в лингвистической литературе, оно не стало терминологически точным; с одной стороны, просторечием называют совокупность стилистических средств сниженной экспрессии, с другой — имманентно нейтральные с точки зрения стилистики и не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере нормами литературного языка.

Обычно просторечие рассматривается с двух точек зрения. Во-первых, традиционно, как статичный конгломерат определенных лексико-фразеологических пластов, и в этом случае полностью совпадая с термином «нелитературная лексика». Во-вторых, как разновидность живой разговорной речи — сложная,

иерархически представленная макросистема, включающая в себя как определенные пласты, так и языковые микросистемы.

Соответственно, термин "просторечие" в современных исследованиях и словарях применяется в двух значениях. С одной стороны — это те явления, которые не входят в литературный язык, принадлежат ненормированной, малограмотной речи и определяются как "общий субстандарт, имеющий в основе жаргон и аргю", т.е. слова сниженной, грубоватой оценки, включающиеся в понятие внелитературного просторечия. Также под ним понимается один из стилей литературного языка с присущим ему особым кругом слов и форм, воспринимаемых на фоне других стилей. Такие факты называют "литературным просторечием" как одну "из форм национального языка, наряду с диалектами, жаргонной речью и литературным языком". Таким образом, просторечие — это «.....сложная социально-стилистическая категория лексики и фразеологии, представленная как социальная речевая автономная макросистема (норма второго уровня), т.е. известным образом упорядоченное и обладающее структурой иерархическое целое, выступающее как совокупность социально и профессионально детерминированных речевых микросистем (различные виды кента и жаргона) и стилистически маркированных (сниженных) лексико-фразеологических пластов ("низкие" коллоквиализмы, общие сленгизмы, вульгаризмы), которые наряду с весьма существенными различиями имеют также общие черты, такие как ярко выраженная экспрессивность в ее качественно различных проявлениях (шутливо-ироническая, фамильярно-насмешливая, пейоративная с резкостью оценки, непристойная), а также определенная социо-лингвистическая и стилистическая роль в речи и художественном тексте. Будучи маркированным социально и стилистически, английское просторечие относится к числу понятий, общих для характеристики социальной и стилистической дифференциации языка» (В.А. Хомяков 1974:5,6).

В лингвистической литературе отмечаются такие отличительные особенности просторечия, как стилистическая недифференцированность, факультативность употребления, функциональ-

ная монотонность. Некоторые исследователи (Л.А. Капанадзе, А.Ф. Журавлев) отвергают существование нормы в просторечии, т.к. отказывают ему в наличии системности. Более того, они определяют эту языковую сферу, опираясь лишь на негативные моменты, поскольку, по их мнению, "внелитературное просторечие не представляет собою самостоятельной лингвистической формации в рамках данного национального языка с собственными признаками системной организации, не включается в иерархию языковых подсистем, обладающих тем или иным относительно автономным набором фонетических, морфологических и синтаксических показателей и является по существу только совокупностью хотя и многочисленных, но "факультативных" отступлений от норм кодифицированной речи".

Однако, говорить об отсутствии системности какой-либо языковой формации, в том числе и просторечия, нельзя. Любой язык представляет собой систему, соответственно, в любой реализации этого языка проявляется система.

Система содержит в себе схемы, модели реализации языка, а норма — это собственно реализованная возможность системы и, что важно, социально принятая. Если в своей обычной среде носитель просторечия начнет говорить не так, как принято (например, будет употреблять "книжные" слова), это вызовет недоумение или насмешку. Таким образом, имеет смысл говорить не о факультативности употребления средств языка в просторечии, а о менее строгой обязательности употребления того или иного элемента по сравнению с литературным языком.

Просторечие имеет норму, хотя, в отличие от нормы литературного языка, она более размыта и неоднородна, отличается меньшей степенью обigatorности и однозначности.

Как феномен, просторечие обладает рядом особенностей, которые проявляются на всех уровнях языковой системы. Представляется актуальным выявление основных, базовых особенностей просторечия на языковом уровне, которое позволит определить границы данного явления и его место в системе языка.

Так, в языковом отношении просторечие проявляется на всех уровнях - от фонетики (фонетическая компрессия просто-

речных выражений):

I dunno = I don't know .

gombee = going to be; "We're gombee gettin' there around eight-thirty."

ain't-she-wha = isn't she, what; isn't it though; "Hey, that's some beautiful truck, ain't-she-wha?"

- до грамматики (нарушение грамматических норм):

there were nobody on the plane but me; *were* используется для обозначения как ед., так и мн. числа;

"I'll tell you a little tale, er when me mother was alive in Cambridge and erm we had some coal delivered, me mother was a terror..." ; I bought a new book of ten first class when I was in town today and I've left them at home in me shopping bag; *me* нестандартная форма *my*, распространенная на севере Англии и частично в Ирландии;

- и синтаксиса (нарушение синтаксических конструкций):

we used to cycle down especially on foggy days was the best cycle straight down Canute Road;

how we didn't kill each other and things like that I don't, it's incredible; I decided that was for me and very interesting it was too;

Помимо этого достаточно очевидного, внешнего своеобразие просторечия отличается рядом специфических признаков в использовании лексики. В этой области характерным для просторечия является наличие довольно значительного числа слов, преимущественно для обозначения обиходно-бытовых реалий и действий, отсутствующих в литературном языке, многие из которых исторически являются диалектизмами. Так, например:

- использование слова в значении, не характерном для литературного языка, как

quid (a piece of pressed tobacco for chewing) в значении "pound", e.g. "... but if you've got so many thousand quid's worth of stand there you're not going to sort of knock it all down..."

boot существительное, употребленное как глагол "to go away, to leave", e.g. "It's nigh-on five o'clock...we gotta boot."

cabbage существительное, также употребленное в функции глагола "to steal, to loan", e.g. "I cabbaged that old chair from

Mum and Dad."

- размытость категориального значения слова, как "... and he met funny enough, he met some of the people he used to know..." использование funny enough вместо funnily enough

- специфический тип переноса наименования с абстрактного понятия на лицо. Так, в диалоге об опасных детских шалостях, говорящий употребляет слово "Patsy - a slang name for pathetic people who are easily teased or are frequently the object of ridicule",

"... so we all knelt down, Patsy, with the water up to about there he stood on the top and said is it okay to dive..."

- метонимический перенос, которому в просторечии могут подвергаться термины, в литературном употреблении обозначающие только множества или совокупности и не имеющие значения "один элемент множества, совокупности" ("Shelly's got a touch a' The Sugar"; The Sugar — сахарный диабет).

В просторечии употребительны также некоторые фразеологизмы, например:

to cry the blues — прибедняться;

big cheese — важная персона, "шишка";

to hit the big spots — кутить;

to get a leg in — втереться в доверие.

Просторечие является распространенным средством стилистического разнообразия литературного языка. Оно занимает промежуточное положение не только между литературным языком и территориальными диалектами, но и в большей степени, между социальными и профессиональными жаргонами, с одной стороны, и литературным языком — с другой.

Занимая такое положение, просторечие приближается к разговорной речи и играет роль проводника, через который в литературную речь идут различные иносистемные элементы — профессиональные, жаргонные, арготические. Совершенно очевидно, что будучи разными пластами языка, литературная речь, разговорная речь и просторечие в то же время находятся в активном движении и взаимопроникновении. Речевые единицы постоянно переходят из одной подсистемы в другую, при этом сохраняя прежние или приобретая новые значения. Так, выра-

жение "rush hour" родилось в 1980 году и получило популярность в Нью-Йорке, как фраза, используемая при описании туристов, глазеющих по сторонам, вытягивающих шеи, чтоб разглядеть высокие здания Нью-Йоркского Чайнатауна. В настоящее же время эта фраза получила широкое распространение в повседневной жизни при описании огромных пробок на улицах города во время часа пик.

Проникновение сниженных элементов просторечно-жаргонного происхождения в литературную разговорную речь — это стилистический процесс, сходный по своей общей функциональной направленности с процессом сближения разговорной и книжной речи, имеющий ряд внутренних отличий от последнего. Литературное просторечие, будучи «нижней» границей литературной разговорной речи, литературного языка в целом, осуществляет и поддерживает непосредственные связи литературного языка с живой разговорной «внелитературной» речью.

Английское лексическое просторечие понимается как сложная лексико-семантическая категория — определенный фрагмент национального языка, т.е. упорядоченное и обладающее общей структурой иерархическое целое, в котором можно выделить три основных пласта:

1. нейтральные стандартные разговорные единицы, e.g.

How are things? (How are you getting on?) - Как дела?

I must be off (I must be going now). - Я уже должен уходить.

Agree. Well. Deal. — Согласен.

2. просторечно-жаргонные выражения, e.g.

Holy cats! Well met! - Елки-палки, кого я вижу!

Hubba-hubba! That's you! - Ба! (Оба! Вот это да!) Это ты!

I've called you to jaw (to dish) - Я тебе звонил, хотел потрепаться.

Просторечный жаргон включает диалектизмы, профессионализмы, молодежный жаргон. Диалектизмы - определенный пласт ексики, территориально обусловленный, сочетающий местные черты с нормами литературного языка.

Профессионализмы — специальная языковая среда, ограниченная определенными рамками какой-нибудь профессии и

расположенная между терминологической лексикой и общелитературным просторечием.

"So I switched over to what Alan's reading now called the Modern Greats. (Classics, i.e. Latin and Modern Greek)"

"How much do you want off? (How much do you want me to cut?)"

Молодежный жаргон — обычно краткие, эмоционально выраженные слова и выражения, используемые молодыми людьми, служащие опознавательным знаком, со смыслом, понятным не для всех.

"Why are you so budded? - Че это ты такой дерганый?"

"Don't bug me. Stop bugging me. - Отцепись от меня."

"Still dishing your friends? - Все кости друзьям перемываешь?"

"I'm off my feed. I've the blans. — У меня депресняк."

3. сниженная лексика (сленг, сниженные колоквиализмы, арго, кент, вульгаризмы). Сленгизмы и сниженные колоквиализмы — стилистически маркированные образования в литературном языке, фиксируемые в словарях лексические пласты с размытой между собой границей. Оба пласта отличаются от нейтральной лексики литературного стандарта этико-стилистической сниженностью разного качества.

fag — cigarette, "Cup of tea and a fag";

plushy — luxurious, "...have a nice meal in very plushy surroundings very warm nice pleasant...";

bloke — man, "He's sort of bloke who won't age much";

Арго и кентизмы — вкрапления на общем фоне фамильярно-разговорной речи, противопоставленные элементам литературного стандарта. Их основная функция — функция конспиративной коммуникации. Вульгаризмы — особый лексический слой с непристойной экспрессией. Среди вульгаризмов различают неприличные (оскорбительные, бранные слова и грубые проклятия) и непристойные формы (нецензурные слова и выражения).

"Stop asking bleddy questions."

"...and your attitudes towards them like whether you decide to accept certain people and you know get a bit peed off with other people ..."

"Some bugger's pinched my spade."

Для просторечия характерно также широкое употребление отдельных сниженно-просторечных слов, фразеологизмов, синтаксических конструкций на общем фоне разговорной литературной речи, реализующихся при разной степени сближения с нейтральными и книжными, что обусловлено разным же характером вторгающихся в литературную речь сниженных элементов. I'm dog-sick. - Хреново себя чувствую.

I'm down. I get it down. - Ломает меня.

Stickey! Good grief! - Ни фиги себе!

What the hell are you doing here? - Какого черта ты тут делаешь?

Безусловно, в большинстве случаев употребление стилистически сниженных языковых средств характеризует бытовую, фамильярную разговорную речь; одновременно происходит явный рост их роли в более высоких контекстах и ситуациях разговорной речи, что приводит к возможности сосуществования в пределах одного высказывания полярно противоположных стилистических фактов языка.

Однако не контекстные и конситуационные приметы, а языковой характер самих сниженных элементов, раздвигающих стилистические границы литературной разговорной речи, показателен для явлений этого рода, отмеченных постоянной эмоционально-экспрессивной заданностью. Последняя как бы преграждает путь к полной стилистической нейтрализации сниженного элемента в литературной среде, поскольку именно на него падает тяжесть распространяющегося на весь контекст сдвига от более высокой к более низкой окраске. Характерен ряд нейтрализовавшихся в современной разговорной речи просторечных фразеологических сочетаний и синтаксических конструкций, представляющих собой и объективно новые языковые единицы.

Как видим, отлична экспрессивно-стилистическая роль «сниженных» языковых фактов при их столкновении с нейтральной или высокой стилистической средой. Эти явления связаны с эмоционально-экспрессивной ролью сниженных, просторечных элементов, как бы глубока ни была степень их функционально-

стилистической нейтрализации в данном контексте. Проникновение элементов просторечия в литературную разговорную речь способствует тому, что значительная часть всей сферы разговорного общения к настоящему времени охватывается так называемой обиходно-разговорной речью, которая характеризуется ненормированностью и пестротой языкового состава.

В то же время нельзя говорить о полном распаде просторечия ни как некоей отъединенной от литературной разговорной речи системы стилистически сниженных языковых единиц, ни как средства общения, обслуживающего определенные социальные слои общества.

Такое посредничество вполне объяснимо как собственно языковыми, так и социальными причинами. В социальном отношении совокупность носителей просторечия чрезвычайно разнообразна и текуча во времени.

Учитывая тот факт, что просторечие — проблема социолингвистическая, как верно замечает В.Д. Девкин, должны учитываться не только личностные и социальные характеристики собеседников, но и их установки, намерения, общий опыт, предыстория и условия протекания разговора. (В.Д. Девкин 1984:17). Т.к. просторечие обслуживает узкобытовые сферы коммуникации, очевидно, что с наибольшей рельефностью оно реализуется в речевых актах, имеющих иллокутивную функцию порицания, обвинения, просьбы, заверения, внушения и т.п. Однако и в других видах коммуникации обычно используется именно эта "просторечная" разновидность языка.

И, хотя принято считать, что "просторечие имеет узкую сферу функционирования, связанную только с потребностями обиходно-бытового общения" (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская 1984:69), в настоящее время происходит все большее сближение литературного разговорного языка с просторечием, включая просторечные элементы в речь общественную и официально-деловую.

Тем не менее, как представляется, носители просторечия осознают, что "для каждой роли имеются нормы поведения". По справедливому утверждению Р. Белла, "опытный социальный

исполнитель прибегает к репертуару социальных навыков, включающих социальные коды, и проблема, с которой сталкивается такой исполнитель при контакте с другими лицами, состоит в выборе из его репертуара навыков таких ролей и кодов, которые бы наилучшим образом отвечали его целям" (Р.Бел 1980:137,141).

Литература:

- Белл Р. Т. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы: Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1980.
- Бельчиков Ю. А. Просторечие // М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1979.
- Девкин В. Д. О видах нелитературности речи // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.
- Журавлев А. Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.
- Земская Е. А. Письма просторечно говорящих как источник изучения некодифицированных сфер русского языка и городской субкультуры // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М.: Индрик, 1996.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь // Вопросы языкознания. 1971. № 5.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.
- Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.
- Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988.
- Китайгородская М. В. Носитель городского просторечия как языковая личность // Problems of sociolinguistics. I. Sofia, 1990.
- Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л.: Academia, 1928. Новая серия. № 3.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Филин Ф. П. Просторечие // Русский язык: Энциклопедия. М.: Русский язык, 1979.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.
- Хомяков В.А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда: Б.и., 1974.
- R. Carter, M. McCarthy Exploring Spoken English. CUP 1997.
- D. Crystal, D Davy Advanced Conversational English. Longman 1975.
- H. L. Mencken The American Language. NY 1921.